

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА СЕГОДНЯ

Стэлла БУРОВА

Политические силы в постсоциалистических обществах. Объединенная Германия

Продолжая публикацию серии статей, призванных, по нашему мнению, дать сегодняшний «политический портрет» стран бывшего социалистического содружества, мы предлагаем вниманию читателя краткую характеристику партий и движений объединенной Германии. В предыдущих номерах журнала были опубликованы материалы о политических силах Болгарии и Польши.

Демократическая революция в ГДР, перешедшая затем в процесс германского объединения, — неотъемлемая часть революционных потрясений в странах Восточной Европы. И в этом смысле можно утверждать, что, несмотря на неоспоримую специфику, в начальной фазе преобразований здесь просматривался ряд общих черт с аналогичными процессами в других странах Восточной Европы, поскольку события во всех этих странах развивались как антитоталитарный, демократический процесс. Вместе с тем национальная специфика — немецкое национально-государственное расчленение как следствие насильственных действий держав-победительниц после второй мировой войны — изначально сопутствовала революционным изменениям в ГДР. При этом, в частности, эмиграцию из страны в течение всех этих лет следует рассматривать не просто как бегство от «реального социализма», а и как переселение в национально-родственную Западную Германию. С начала 1990 г. революционный процесс в ГДР все более интенсивно и в нарастающем временном темпе стал приобретать характер революционно-объединительный: революционная борьба, первоначально имевшая целью социалистическое обновление, сменилась всепоглощающим стремлением масс к окончательному решению немецкого национального вопроса. Пройдя через несколько промежуточных стадий, германо-германское сближение формально завершилось 2 декабря 1990 г. общегерманскими выборами в единый законодательный орган — бундестаг.

Действительными политическими силами, вызвавшими массовое движение 1989 г. в пользу политического обновления, были разрозненные — сначала оппозиционные, а с осени того же года легализованные — группы и малочисленные объединения гражданской демократии, в основном из среды

Бурова С. Е. - научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН. Специалист в области внутриполитических проблем Германии.

интеллигенции, типа «Новый форум», «Демократия сейчас», Объединенные левые, инициатива «Мир и права человека», немногочисленная Социал-демократическая партия и др. Вмонтированная в государственные структуры Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ), в итоге преобразованная в Партию демократического социализма (ПДС), как становой хребет государственно-партийного тоталитаризма пыталась в этот период выполнить триединую задачу: совместить собственный поспешный обновленческий процесс с попытками поддержания государственности ГДР и с участием в демократическом процессе вместе с другими демократическими силами (например участвуя в краткой по времени работе согласительного «круглого стола»).

С весны и до конца 1990 г. ПДС, уступившая свой государственный статус и терявшая свои общественно-политические позиции, сконцентрировалась исключительно на задаче самосохранения и самореабилитации через изменение внутривнутриполитической сущности. Так в 1989—1990 гг. инициаторы демократического процесса в ГДР пережили свою политическую трагедию, оказавшись неподготовленными ни программно, ни политически к объединительному процессу. Они даже не смогли найти в нем свое место и в силу логики развития были оттеснены на общественную обочину.

Объединение двух германских государств, завершившееся в декабре 1990 г., сопровождалось серией объединительных съездов политических партий. Причем по аналогии с тем, как в государственном объединении главенствующую роль играла западная сторона, так и здесь у партий-аналогов в старых и новых федеральных землях происходило присоединение, а вернее, поглощение «восточников». Это происходило на съезде Социал-демократической партии Германии (СДПГ) в сентябре 1990 г. актом принятия Манифеста о восстановлении единства германской социал-демократии, и 30 тыс. членов из новых федеральных земель присоединились к 900 тыс. «западников». В августе того же года 70 тыс. свободных демократов Западной Германии соединились со 135 тыс. членов трех партий либерального направления на востоке — Союза свободных демократов, Свободной демократической партии ГДР и Партии немецкого форума. В сентябре 700-тысячный Христианско-демократический союз (ХДС) растворил в себе менее 100 тыс. христианских демократов востока. Во всех случаях слияния, даже если обнаруживался восточный количественный перевес (как, например, у свободных демократов), руководство партий и их ориентация оставались западными.

Исключением в волне объединительных съездов остались два потока, разведенные в политической палитре на противоположные фланги. Они достойны того, чтобы сказать о них особо. Это Христианско-социальный союз земли Бавария (ХСС) — земельная партия, по-прежнему действующая как самостоятельная, но всегда образующая совместную с ХДС фракцию в бундестаге. Ее численность, равно как и численность других политических партий до объединения, относительно постоянна — около 180 тыс. членов (примерно 2% от общего числа жителей). Попытки ХСС сломать свою земельную замкнутость и расширить влияние на Западную Германию, а теперь и на восточные земли, добиться в ряде федеральных земель 1/5 или 1/10 голосов избирателей, а не только формировать правительство в Баварии, по-прежнему остаются безуспешными. Причины подобного положения, ставшего уже своеобразной традицией, видятся в том, что эта партия, хотя и выдвинула в прошлом такого крупного политического деятеля, как Ф.-Й. Штраус, не смогла по-настоящему выйти из политической тени своего постоянного и мощного партнера ХДС. Хотя справедливости ради следует сказать, что представители ХСС занимают 4 министерских поста в федеральном правительстве и 5 постов парламентских статс-секретарей, первый заместитель председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге — из ХСС.

Из тенденции к политическому объединению «восток—запад» выпали и левые партии (кроме СДПГ), такие как ПДС, *Германская коммунистическая партия* (ГКП), *Социалистическая инициатива* — наследница *Социалистической единой партии Западного Берлина*. Первая из них осталась фактически партией левой ориентации в новых федеральных землях, несмотря на то, что предпринимала большие усилия по распространению своего влияния и на **западные** земли. Таким образом, если ряду партий удалось «стратегия расширения» с запада на восток, то ПДС эта стратегия в противоположном направлении не удалась, хотя начало ее попыток относится к преддверью государственного объединения с конкретной тактической целью — добиться своего представительства в бундестаге. Она смогла пробиться в общегерманский парламент в рамках объединения «*Левый список*» — ПДС 17-ю мандатами, так как по специальному льготному закону пятипроцентный барьер голосов для представительства был установлен отдельно для территории бывшей ГДР. Это позволило относительно увеличить шансы ПДС, и она стала четвертой партией в бундестаге после ХДС/ХСС, СДПГ и *Свободной демократической партии* (СвДП), но без права создания своей фракции. Вместе с тем необходимо учесть, что 2,4% голосов по всей территории страны и около 1,1 млн избирателей следующим образом распределились по новым и старым федеральным землям: около 1 млн (11,1%) и около 100 тыс. (0,3%), что свидетельствует об узости западной базы ПДС.

Несмотря на более чем полуторагодовой процесс внутреннего реформирования в направлении современной левой парламентской партии, ПДС продолжает поиски своего политического облика и места в многопартийной структуре объединенной Германии. Выйдя из недр государственно-тоталитарной СЕПГ, она продолжает ощущать ее политическое наследие, ряды ее редеют¹. Сужается и ее социальная база: более 50% ее избирателей — представители интеллигенции, да и сама она все больше превращается в партию интеллигенции.

Что касается ГКП и Социалистической инициативы, то они переживают глубокий кризис, раздираемы внутренними противоречиями относительно политических целей и характера левой организации в новом германском обществе. Кстати, внутренний раскол ГКП назревал еще в связи с перестройкой в СССР, и в 1987 г. оформились группы обновленцев и ортодоксов, первые в конце 1989 г. покинули партию. В итоге шансы на внутреннее обновление ее сократились, падает численность. ГКП и количественно, и по существу все более отходит на маргинальные и сектантские позиции в обществе.

При рассмотрении ситуации с левыми силами в объединенной Германии возникал гипотетический вопрос, насколько вероятен некий парламентский или внепарламентский левый блок. Ставился также вопрос (он инициировался, главным образом, ПДС) о возможной целесообразности и реальности создания не единой левой партии. Но, в принципе, это невозможно, тем более в столь трудный переходный для страны период. Реально можно было бы говорить о формировании некоего левого движения. Однако сегодня подобная перспектива, по-моему, иллюзорна ввиду многообразия, расщепленности и непреодолимости программных конфликтов нынешнего этапа. Общий кризис левых находит выражение в их отступлении, отторжении, распаде организаций. И это несмотря на то, что в условиях политической оппозиции в межвыборный период 1991—1994 гг. многое будет зависеть от того, кто возьмет на себя функцию социальной защиты населения в

¹ СЕПГ насчитывала 2,3 млн членов, а ПДС - 130-150 тысяч. Последняя цифра, правда, может быть несколько не точна в связи с продолжающейся неупорядоченностью внутренней организации.

новых федеральных землях (где галолирующая полная безработица охватывает около 1 млн человек, а скрытая — 2,5 млн), а также на западе страны.

Особо в рамках левого спектра следует сказать о непримиримости между наиболее влиятельной СДПГ и остальными левыми, в частности ПДС. Хотя обе эти партии считают своей программной целью демократический социализм как мирное, гуманное, солидарное общество, предполагающее свободное развитие человека, равное участие в экономической, политической, духовной и культурной жизни, однако совпадение программных целей не способствует сближению, а вызывает резкое дистанцирование, прежде всего со стороны СДПГ. Она обвиняет ПДС в узурпации социал-демократических традиций, в заимствовании целей. Реальной становится конкуренция левых, борьба за симпатии в обществе и за будущих избирателей.

Обратимся теперь к партиям, унаследованным объединенной Германией от западной ее части. Кратко можно сказать, что со времени образования ФРГ в 1949 г. и вплоть до 70-х годов наблюдались стойкий процесс концентрации партий, постепенное сокращение их числа. Так, на выборах в бундестаг 1949 г. мелкие партийные образования вместе добились 27,9% голосов, а в 1987 г. — лишь 1,3%. С начала 80-х годов в связи с появлением экологически ориентированной *партии зеленых* процесс концентрации несколько замедлился. Общей характеристикой последнего времени и симптомом определенной стабилизации является и стабильность членства в ведущих политических партиях (если не считать уже упоминавшихся приращений за счет слияния с восточными аналогами).

Все традиционные западногерманские партии — партии парламентского типа. Показателем их политической значимости является присутствие в местных, земельных и федеральных органах власти. При этом важным фактором в регулировании партийной палитры выступает упоминавшаяся выше пятипроцентная оговорка для партийного представительства в выборных органах, которая, выполняя функцию барьера, тормозит создание осколочных многочисленных партий и, напротив, благоприятствует формированию дееспособных правительственных коалиций. Вопреки существовавшим предубеждениям пятипроцентный барьер в прошлом не мешал смене политической власти в стране и созданию новых партий (пример — партия зеленых).

Необходимо отметить еще одну общую черту в функционировании политических партий Германии — источники финансирования. Все они в меньшей степени существуют за счет членских взносов: ХДС — на 44%, ХСС — на 23, СвДП — на 24, СДПГ — на 50%. Важным источником финансирования служат так называемые пожертвования со стороны как членов партии, так и сочувствующих, а также целевое дотирование фондами, предприятиями, хозяйственными субъектами. Для ХДС — это 19%, ХСС — 30, СвДП — 41, СДПГ — 10%. Дополнительно партии получают государственное субсидирование на избирательную кампанию. Всем партиям, которые на выборах завоевали по крайней мере 0,5% голосов (т. е. и всем мелким партиям), выделяется из федеральной казны компенсация издержек из расчета на 1 завоеванный голос избирателя. Практика эта введена с 1967 г., квота постепенно повышалась, и с 1983 г. она составляет 5 марок. Таким образом, финансовое состояние партии непосредственно ставится в зависимость от ее популярности. Согласно § 23 Закона о партиях, их доходы и расходы регулярно представляются председателю бундестага и публикуются для ознакомления общественности.

Выше уже частично обозначалось место некоторых политических партий в общегерманской палитре. Теперь ее можно свести воедино с определенной долей условности: к правому крылу можно отнести ХДС и бавар-

скую ХСС (хотя сами себя представители этих партий считают центристами), к центру тяготеет СвДП, к левому крылу СДПГ, партия зеленых. Далее на левом фланге — ПДС, ГКП, Социалистическая инициатива, на крайне правом фланге — *Национал-демократическая партия* (НДП), *Партия республиканцев*. Кроме того, в стране действуют другие ультраправые и ультралевые политические формирования, группы и движения, структурно слабо оформленные и малочисленные. В целом политическая палитра ФРГ представляется взаимоуравновешенной в рамках развитой западной парламентской демократии.

После формального объединения общество ФРГ остается расколотым, долгожданное объединение, как оказалось, весьма далеко от истинного национального объединения и национальной солидарности. Вместо этого разворачиваются все более острые битвы между основными политическими силами за влияние в новых федеральных землях, а также между западом и востоком, нарастает дух «вторичной враждебности», пришедшей на смену прежней, культивируемой, классовой враждебности ГДР и Западной Германии.

На этом фоне падает притягательность политики и политической деятельности, снижается эффективность противостояния правящих и оппозиционных партий, последние, по свидетельству политических экспертов, теряют силу и компетентность — в отличие от ситуации 60-х годов в Западной Германии. Все более очевиден кризис практически всех политических партий. В первую очередь это касается блока ХДС/ХСС, его внутренней конфликтности. И хотя в нынешнем, четвертом, кабинете Г. Коля из девятнадцати министерских портфелей ХДС владеет десятью, а ХСС — четырьмя, трудности послеобъединительного периода сразу же обнаружились в провале ХДС на выборах в земельные парламенты, например в Гессене, Нижней Саксонии, Рейнланд-Пфальце («вотчине» самого Г. Коля).

Все партии ФРГ в равной мере стоят перед проблемой обновления и омоложения своего руководства, что считается одной из главных задач «во имя будущего». Осуществила такую смену на последнем своем съезде лишь СДПГ, выдвинув в качестве председателя Б. Энгхольма. Равным образом все партии весьма озабочены привлечением молодежи в связи с падением ее доли и в партиях, и в связи с общим старением общества, хотя формально при партиях существуют соответствующие молодежные организации (например, *Молодые социалисты* при СДПГ, *Молодой союз* при ХДС и пр.), не пользующиеся, однако, сколько-нибудь заметным влиянием на «материнские» партии.

В нынешней ситуации в ФРГ неизбежной представляется постановка вопроса о вероятности изменения симпатий населения. В какой мере могут сохраниться и впредь, в межвыборный период до 1994 г., сильные позиции альянса ХДС/ХСС? Есть ли реальные шансы у социал-демократов самостоятельно или, что вероятнее, в сотрудничестве вернуть «звездные» времена 70-х годов? Ответы на эти непростые вопросы в значительной мере увязаны с общим ходом преобразований в новых федеральных землях, вмонтирования экономики бывшей ГДР в социальную рыночную экономику и преодоления сопутствующих тяжелых социальных последствий (безработица, переформирование рынка рабочей силы на востоке и т. д.).

Все партии, по-видимому, вынуждены будут к следующим выборам в бундестаг заметно усилить свою социальную ориентацию, функцию социальной защиты будущих избирателей и сторонников. Равным образом многое будет зависеть от способности к внутреннему обновлению и динамичности. Однако едва ли следует ожидать какой-либо догматизации принципов и программ. Скорее, они будут служить общими ориентирами, в рамках которых большее значение придается конкретным политическому и социально-экономическому курсам. Применительно к ФРГ вопрос сводится к

тому, станет ли усиление социальной направленности трамплином для укрепления СДПГ как более социально ориентированной силы. Думается, что при всей внешней убедительности подобных рассуждений (и даже с учетом падения популярности ХДС/ХСС) именно этот блок имеет мало реальных шансов в предвыборной борьбе. Трудный переходный период в истории страны требует, как показывает опыт, твердого внутривластного курса. Недаром нынешний этап часто сравнивают с послевоенным курсом К. Аденауэра, обеспечившего Западной Германии экономический прорыв, ее внутривластную стабилизацию и внешнеполитическое признание.

© С. Булова, 1992